

Акулова Ольга

Привидение
Зануды

16+

Ольга Николаевна Акулова

Привидение Зануды

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64325332

SelfPub; 2021

Аннотация

Недовольный своей жизнью мужчина возвращается в свое прошлое, чтобы убедиться, что его судьба и его настоящее – самое лучшее из возможных вариантов развития событий. Мелодрама с элементами комедии и мистики.

Ольга Акулова

Привидение Зануды

Над небольшим поселком в центральной Белоруссии восходит солнце. На балконе третьего этажа хрущевки, в клетке поет петух. В подвесных ящиках этого балкона цветут оранжевые настурции, в один ящик воткнута вертушка из фольги, которая радостно вращается от порывов легкого утреннего ветра. Тюль мягкой, широкой белой волной врывается в проем открытой балконной двери. В комнате на одной из стен неумелой рукой нарисована радуга. Перед этой стеной, на двuspальном диване рыжеволосая хозяйка петуха переворачивается на бок и закрывает ухо одеялом, чтобы еще поспать.

Одни соседи стучат ей в потолок, другие лупят по батарее. Раздаются крики: Зинка! Зинка, просыпайся! Сверни горлопану шею. Дай поспать!

Зина никакого внимания не обращает на шум. К ее постели подходит бодрый, чисто выбритый мужчина, сорока пяти лет, застегивает пуговицу на манжете своей рубашки, он наклоняется над диваном и целует женщину в щеку.

– И зачем я только выжидаю до полуночи и ухожу пока еще никто не поднялся. Когда твой петух привлекает к твоей особе столько внимания.

– Я тебе уже давно говорю, что прятаться в нашем поселке

бесполезная вещь. У нас как в песне: никуда не скроешься от внимательных глаз. – бормочет сонная Зина

– Не скажи. Мы вот с тобой продержались полгода. Шито-крыто. Полная конспирация. Для меня репутация женщины превыше всего.

– Смешной ты, ей Богу. Живешь, как на другой планете.

– Я церковный попечитель и заместитель директора производства. Нельзя авторитет терять. Вот когда ты официально станешь моей супругой – другое дело. – ответил тот шепотом.

– Я замужем уже была, мне не понравилось. Дай поспать. Такое утро прекрасное занимается.

– Не серьезно ты живешь – поживаешь, Зинаида. Все как девчонка. Детская вертушка на балконе, облака на потолке, радуга на стене. – (Мужчина обвел комнату взором) – Петух этот нелепый. Зачем он тебе? Только соседей злить. Ты же взрослая женщина!

– Иди уже на свою жилплощадь. Там у тебя тихо.

– А может, я к тебе чувства имею. И хочу, как лучше.

Зина начинает кричать. Крики петуха внезапно прекращаются. Соседи замолкают.

Зина: А может мне не надо как лучше?! Не нравится мне как лучше! Вот прикинь! Жалко мне петуха! Я его желтым цыпленком на дороге подобрала и вырастила!

– Ну, ладно. Как скажешь. Все равно его скоро в деревню заберут. – примирительным шепотом ответил Александр

Климентьевич.

– Че ты такой занудный?! На все согласен, ни с кем проблем иметь не хочешь?! – спросила, окончательно проснувшаяся раздраженная Зина.

– Надо как-то искать компромисс. Уважать мнение общества. – сдержанно и рассудительно сказал Александр Климентьевич.

Зина села в постели, нагнулась поближе к нему и закричала: Надоели мне эти речи, хуже слякоти зимой! Не хочу я замуж! Не хочу! Не готова!

В возникшей после крика пронзительной тишине, как глас высшего судьи, раздался голос соседки сверху: Дура ты, Зинка! Такого мужика упускаешь! Не пьющий, положительный, квартира, машина имеются. Зарплата приличная.

Александр Климентьевич вздрогнул, внутренне сжался. На Зину этот голос не произвел никакого волнующего воздействия: «А, я на общественное обсуждение этот вопрос не выносила! Идите спать дальше!» – просто посоветовала она.

Но последовать ее совету соседи были уже не в состоянии. Одна из них вышла на балкон второго этажа сбоку для лучшей слышимости и продолжила: Вы че там орете? Петуха одного мало что ли?

Соседка сверху над Зининой квартирой выглянула в окно, чтобы соседке снизу лучше были слышны ее речи: Прикинь, Зинка Климентьевича выгоняет, а он ее замуж зовет!

Соседка снизу: Да ты че?! Вот дура-то! Где такого мужика

еще найдет!

Соседка сверху: Да и я говорю дура. С другой стороны, может она своего милиционера все еще любит.

Соседки закрывают окна.

Александр Климентьевич, при каждом слове соседок, сжимается все больше и больше. Зина смеется.

В это время возле дома сигналит машина. Из машины выходит водитель и кричит, но стараясь, как ему кажется, не поднимать много шума, как бы громким шепотом.

Водитель: «Александр Климентьевич! Александр Климентьевич! На фабрике первая линия встала, без вас никак!»

Соседка с верхнего этажа выходит на балкон и кричит во весь голос: «Да отстаньте вы от человека! Дайте ему личную жизнь наладить!»

Водитель: «Так я разве для себя. Линия встала. А свеклы завались!»

Соседка: «Да у вас всегда свеклы завались! А Зинка замуж не хочет! Мы ее уговариваем.»

Водитель: «Так он у вас?»

Соседка: «Да че у нас ему делать?! У Зинки! А ей петух дороже, чем человек!»

Соседка со второго этажа: Так, может, она его не любит. Всем известно, по менту своему сохнет.

Устав от криков, с первого этажа в окно, решил выглянуть сосед-милиционер в майке: Я прошу ложные сведения по поселку не распространять! Я, может быть, женюсь скоро.

А клеветники преследуются по закону.

На четвертом этаже, на балкон вышла старуха, поправляя слуховой аппарат: Кто на ком женится?! Я не уловила. Надо все-таки на ночь слуховой аппарат не снимать, но уж очень этот проклятый петух достал.

Соседка с верхнего этажа кричит громче: Да никто не женится! Зинка за Климентьевича замуж не хочет.

Старуха: Так правильно не хочет. Он же бесплодный. А Зинка баба молодая. Еще родить может.

На словах старухи Александр Климентьевич вскипел и выбежал на балкон и закричал, как укушенный: Это переходит все границы! Я прошу не вмешиваться в мою личную жизнь! Я не бесплоден! У меня был ребенок. И вообще моя жизнь вас не касается! И телефоны изобрели не для того, чтобы вы весь дом своими глупостями будили! Володя, где твой сотовый?

Водитель спокойно ответил: На зарядку поставил.

Тут начинает кричать петух. Александр Климентьевич, потеряв терпение, вытаскивает петуха из клетки и сбрасывает с балкона. Петух, планируя, благополучно приземляется на землю.

Александр Климентьевич кричит сверху: Володя, держи петуха! Я сейчас выйду, забросим его к Давиду в трактир «У дороги».

Аплодисменты соседей. Володя бежит по двору за петухом, стараясь поймать.

К соседке сверху выходит на балкон муж в тельняшке, закуривает: «Уважуха. Климентич – мужик! Не ожидал! А Зинку бросай. Я тебе дочку свояка из деревни привезу. Будешь как за каменной стеной. Факт.»

Александр Климентьевич в ярости раскланивается во все стороны: «Спасибо! Спасибо всем большое! Спектакль окончен! Можете идти спать!» Потом возвращается с балкона в квартиру, берет рабочий портфель и говорит Зине шепотом: «Имей в виду Зина, или я, или эта дурацкая радуга, или мне свояченицу из деревни привезут. Думай. У меня линия встала. Я ушел!»

Женщина смотрит на него с удивлением, как будто впервые увидела: «Неужели еще и Петруху убьешь?!»

Александр Климентьевич уже начал остывать и прекрасно знает про себя, что ни при каких обстоятельствах, не убьет птицу, но для важности строго отвечает: «Как получится!».

– Не убивай. Ты ведь хороший. – Зина сделала жалобное, умоляющее лицо.

– Назад пути нет. Или замуж или петух на сковородке! – строго ответил ей мужчина.

– Первый раз тебя таким вижу. – Зина с восхищением вздохнула

– Жди! К ужину, приду с шампанским. Конспирация отменяется! По любому, кругом разведчики и партизаны. Вот деньги на провизию. Если мало будет – доплачу. – сказал будущий муж, положил деньги на старенький лакированный

стол и пошел на работу.

Спустя полчаса, в цехе сахарного завода, уже переодевшийся в белый комбинезон и надев шапочку, Александр Климентьевич осматривал с молодым коллегой-инженером неработающую линию и строго ему выговаривал: «Вы дежурный инженер или барышня кисейная? Я же вам давал изучать документацию на это оборудование».

Молодой инженер, чувствуя себя намного круче этого дедули, бодро отвечал: «Я изучал! Но я специалист по автоматизированному управлению. А это оборудование делали, когда не знали, что такое компьютер».

На что Александр Климентьевич жестко парировал: «К высшему образованию неплохо бы и среднюю сообразительность иметь и перед ремонтными работами обесточить агрегат. Технику безопасности тоже изобрели, когда не было компьютеров. Но знать и соблюдать ее обязательно». – Затем подошел и сам выключил рубильник, раскрутил распределительную коробку. Показал молодому коллеге, как лужицу на ковре, невоспитанному щенку: «Видите, вот здесь перегорел предохранитель. Но просто его поменять может каждый механик. Инженер должен разобраться, почему он не выдержал нагрузки. А что может дать на него нагрузку? Понятно, вот этот узел. А в узле кто-то помимо меня ковырялся, и как, ему кажется, упростил схему. А схема продумана до мелочей. Мы ее сейчас обратно усложним. А если кто-то будет ее, в вашем присутствии, снова упрощать, дайте мне знать, и

больше его на нашем заводе не увидят. У нас завтра поставки: 72 вагона для Мурманска. А в Мурманске навигация. И если мы не успеваем с поставкой, больше мы в тендере не участвуем, а если не участвуем и еще пару таких партнеров подводим, то весь завод, а за ним весь поселок остаются без зарплаты. Следовательно, легче и разумнее уволить одного экспериментатора. Но, думаю, вы и сами способны просчитать этот простой алгоритм до конца. Готово».

Александр Климентьевич крикнул в цех: Внимание! Сейчас первая линия пойдет! Все готовы?!

Рабочие крикнули: Готовы!

Александр Климентьевич кивнул молодому инженеру, чтобы тот включил рубильник. Молодой инженер выполнил, линия с гулом пришла в движение. Оба постояли полюбовались делом своих рук. Затем Александр Климентьевич обратился к молодому: Вы на рабочее место. А я в столовую, чайку попою. Потом сменю вас пораньше. А вы изучайте схемы, изучайте.

Вечером на пересменке, к пульту управления, за которым сидел Александр Климентьевич с очень мрачным видом, подошел сосед с четвертого этажа, крупный детина с вечной небритостью, одетый в джинсы, футболку и легкий, льняной пиджак. С ним в компании был третий их инженер с этого же завода.

– Привет, Климентьевич. А я тебе смену привел. Мы с

ним договорились, что раньше тебя поменяет. – обратился сосед.

– Спасибо. С чего такая заботливость? – поинтересовался Александр Климентьевич.

– Извиниться перед тобой от всего нашего дома хочу. Что с утра так все на вас с Зинкой насели. Дело личное, деликатное, надо было всем делать вид, что ничего не слышим. Да разве этих баб уймешь?! Языки, как в уборочной машине лопасти, пока всех не перелопатят, не успокоятся. – мрачно продолжил сосед.

– Спасибо, извинения приняты. – спокойной и даже весело ответил Александр Климентьевич.

– Да это пустяки. Мы с тобой в трактир к Давиду пойдем. Он нас уже ждет.

– Спасибо. Но я сейчас не могу. Зине обещал. Мы с ней помолвку отметим. Теперь я обязан жениться.

– Так вот я по поводу Зинки-то, я и зашел. Малахольная она. Зря ты с ней связался.

– Может быть, я как-нибудь сам с будущей супругой разберусь?!

– Дело такое, как говорится, житейское. Одним словом, как бы помягче, не разберешься уже.

Тут Александр Климентьевич встревожился: А если с подробностями? Что случилось?

– Она уже на станцию укатила. Приехал за ней моряк из Севастополя, прямо сегодня и увез.

Александр Климентьевич был совершенно ошарашен этим известием: Как так?

Сосед потер нос и хмыкнул, чтобы подобрать слова. На самом деле ему самому не терпелось поделиться подробностями: «Да как в кино прямо! Приехал на такси. Сказал, собирай вещи. Она собрала, с работы уволилась и укатила. Тебе записку передала и деньги какие-то. Вот конверт». – Сосед протянул мятый, не раз использованный конверт.

Александр Климентьевич с нетерпением, среди купюр, нашел, достал и прочитал записку: «Прости. Прощай. Убегаю за радугой. Ужин отменяется». Он не знал, как реагировать, просто сидел ошарашенный.

Сосед продолжил гнуть свою линию: «Змеи они, бабы. Все зло от них. А Зинка хуже сколопендры!»

Александр Климентьевич сидел, ничего не отвечая.

Сосед тронул его за плечо: «Так пойдем в трактир? Ничего не подумай. Народ с тобой. Народ тебя уважает. На залечивание душевной раны средства собрал. Вот!» И в доказательство своих слов, сосед достал из внутреннего кармана пиджака и показал кошелек на замочке.

Александр Климентьевич, увидев кошелек был удивлен и тронут заботой, немного развеселился. Ответил: «Пойдем! Нельзя народ подводить»

Вскоре они плотно засели в трактире «У дороги», который был оформлен в деревенском стиле, белая белорусская хата, соломенный навес со столиками, у дороги плетень. По

двору трактира гулял петух Петруха. Когда одна бутылка под жаренные колбаски была опустошена. Раскрасневшийся сосед положил руку на плечо утешаемого и спросил: «Ты мне скажи: вот чего у тебя жизнь не складывается? Вот чего этим бабам не хватает?! Мужик ты видный, краше обезьяны. Инженер толковый. И огород у тебя лучше всех и квартира чистая, как у медсестры в амбулатории. А путя нету?»

Александр Климентьевичу не особо хотелось отвечать на этот философский вопрос, он просто налил еще под одной и промолвил: «Да. Жизнь.»

Соседа было уже ничем не остановить, вне зависимости от ответов собеседника: «Бабы силу уважают. Как ты сегодня этого петуха с балкона. Хрясь! Сразу уважуха поперла!». Стукнул он по столу рукой.

– Да. Жизнь. – вновь пробормотал Александр Климентьевич.

Сосед продолжил утешительные речи: «Может, убьем этого петуха?! К едрене фене, м?! Если ты сам крови того этого. Так я сам могу?!»

– Не надо! Не надо губить, скажу я тебе, ни в чем не повинное существо! Нельзя! Он мне теперь как брат, понимаешь? Его тоже сегодня бросили, по сути то дела! За радугой, вишь, помчалась. А где я тут море с радугой, в Белоруссии возьму? Где, скажи на милость? – ответил совершенно пьяный Александр Климентьевич, которого никак не могли отпустить мрачные думы.

Сосед похлопал Александра Климентьевича по плечу и они снова выпили.

Александр Климентьевич пробормотал: «Да-а! Бросили и с балкона сбросили! Судьба!»

Сосед обнял и потряс его за плечо: «Жизнь. Держись, братка белорусс. Мы не из этих абы каковских. Бабы нас не вышибут из седла! За мужскую солидарность давай!»

Так они пили до самой ночи и легли спать на той же террасе. Хозяин трактира даже любезно вытащил им старые матрасы. Весь поселок знал, какое у Александра Климентьевича случилось горе.

Оранжевые цветы на балконе, без присмотра хозяйки быстро увяли, вертушка вскоре завалилась на бок и больше не крутилась, Александру Климентьевичу надо было жить дальше, и он готовился к зиме, как это было принято и заведено в их поселке. К осени он уже изрядно устал от всеобщего внимания и опеке. И теперь вез с огорода к дому груженую тачку, с несбыточной мечтой, чтобы по дороге никого не встретить. Но у подъезда на старых обтрепанных стульях сидели две старушки. Дружно поздоровались, назвав его по имени отчеству.

Александр Климентьевич сразу отрапортовался: «Здравствуйте. Везу морковь. Хранить буду в песке.»

Старушка в синем платке и теплой курточке, попыталась что-то сказать, но не успела, нее изо рта вылетело только приглушенное: А-а.

Александр Климентьевич без выдоха продолжил: «В бочке. А от мышей ничего делать не буду. У нас в подвале котов полно».

Старушка опять встряла со своим: «А-а»

Александр Климентьевич не дал ей слова молвить: «Картошку на выходных буду копать. Много. Крупная. Удобрять коровьим навозом с нашей фермы».

Старушка наконец вдохнула и залпом выпалила: «Хороший ты мужик, Климентьич, а в партизаны я бы тебя не взяла! Болтлив больно, не обижайся. А я только и спросить хотела: поедешь ли в город. Мне к эндокринологу надо, а кто подбросит, не знаю».

Александр Климентьевич расслабился и улыбнулся: «Ну, хоть кто-то о чем-то другом спросил! В четверг, в три выезжаю, подброшу, только не опаздывайте».

Старушка ответила: «Спасибо. Поняла. А сам как?»

Александр Климентьевич помрачнел: «Замечательно. Зина не звонила. У меня все хорошо. До встречи». Выпалил он и повез тележку дальше в подъезд, убирать в подвал.

Разговорчивая старушка зашептала своей подруге: «Довела его Зинка. Раньше слова не вытянешь, а теперь трещит, как автомат Калашникова».

Вторая подтвердила: «Похудел, осунулся. Окна моет два раза в неделю! Раз любовь сушит, значит сердце есть».

Первая добавила: «Хороший он. Хороший. А путя в жизни нету, ох, нету. Хоть песни пой, хоть пляши».

В подвале Александру Климентьевичу тоже была не судьба одному остаться и спокойно поработать над раскладыванием на хранение овощей. Соседка Наташа, которая возилась в соседнем подполье, сначала выглянула, когда услышала звуки вошедшего человека, потом вылезала и подошла.

– Александр Климентьевич! Как хорошо, что я вас встретила! Здравствуйте!

Он поздоровался.

Наташа восторженно продолжила, как школьница при чтении Лермонтова, хотя тема была куда прозаичнее и самой Наташе доходил четвертый десяток лет. Уже и фигура погрузнела и овал лица немного поплыл: «Как хорошо, что я вас встретила! А то вы, как будто меня избегаете...»

Александр Климентьевич вежливо и наигранно весело ответил, в душе кляня, избыточную населенность их маленького поселка: «Да что вы такое выдумали?! Зачем мне вас избегать?»

Наташа продолжила: «И я говорю, зачем?! Женщина я не старая, здоровая... Многие говорят, симпатичная».

Александр Климентьевич понял, что беседа затянется и во что-то обязательное, ненужное выльется: «Я вроде бы, не собирался оспаривать эти постулаты. Совершенно согласен!»

Наташа более уверенно улыбнулась: «Могу я вас пригласить, ко мне вечером, чайку попить? Я чудный пирог с вишней испекла. Может быть вместе фильм хороший посмотр-

рим?»

Александр Климентьевич понял, что надо пресекать зло в зародыше: «Извините, сегодня вечером я занят. Очень занят!»

Наташа заметно скисла, поняла, что с ней не хотят встретиться: «Да?! Извините. Спрос не грех».

– Спрос не грех, да в нем намек, добру молодцу урок. – продолжил он тарабарщиной, чтобы замаять неловкость.

– На что это вы намекаете? Вот так просто, обидеть хотите? – Наташа уже надулась

Александр Климентьевич подумал, что еще слез в подвале не хватало, если еще кто-то зайдет, вообще не отмоешься: «Вас! Никогда! Извините, это была шутка. Мне морковь в подвал отгрузить надо».

Наташа вроде бы передумала плакать, но забубнила ворчливо, переключаясь на дела в своем подвале: «Морковь. Конечно. Морковь превыше всего. Зачем друзья, да еще женщины, когда в жизни мужчины есть три мешка морковки».

Александр Климентьевич кленя свою слабохарактерность пробубнил: «Все не настолько трагично. У вас прекрасное платье. Вам очень идет. Увидимся».

Он не мог знать думки Наташи, которые носились у нее в голове: «Как не с нашей планеты. Нелюдимый, странный, загадочный. Может, порчу на него навели. Но ничего, я его расколую. Узнает, где сторона добра!»

Наступила зима. Выпал снег. Старушки разошлись из

церкви, после вечернего богослужения. Александр Климентьевич сидел в опустевшем храме на последней скамье у самого выхода в глубокой задумчивости и следил за трепетанием электрического огонька у распятия на престоле.

Внезапно к нему подошел и подсел на переднюю скамью священник в странной красной шапочке. Развернулся вполоборота, чтобы видно было лицо и начал разговор: Здравствуй, брат Александр. Попечитель здешний, если не ошибаюсь?

Александр Климентьевич ответил: Здравствуйте. Все так. А вы кто будете, святой отец?

Священник мягко улыбнулся и ответил: А, я отец Спиридон.

– Очень приятно. Чем могу служить? Или вы отца Петра хотели бы видеть? Он скоро вернется. Я его тут жду.

– Отец Петр мой старый приятель. Люблю его и уважаю. Но я издалека именно к тебе пришел, брат во Христе Александр. Поговорить надо. Я человек издалека. Болтливостью не отличаюсь. Да и в ваших краях вновь буду не скоро. Расскажи мне брат, о своей глубокой печали.

Александр Климентьевич с интересом разглядывал незнакомого священника, но открывать свое сердце первому встречному не собирался: «С чего вы взяли, что я в печали? И почему бы мне не побыть в печали? Активных, позитивных каждый первый. Кто-то должен быть и серьезным, и спокойным».

Священник смиренно ответил: «Серьезным быть это одно, а впадать в грех тоски и уныния совсем другое».

Александр Климентьевич горько усмехнулся и с иронией заметил: «Вот народ! Ничего в себе не удержат!»

– Я сам слышал твой плачь и стон перед святыми иконами. Но понять почему ты так скорбишь никак не могу, вот и пришел к тебе. Вопль сердца твоего так тревожит небеса, что не могут они долее оставаться к твоей судьбе безучастными. – как то очень авторитетно и загадочно сказал священник

– Да раньше надо было тревожиться. Теперь-то что? Мне скоро пятьдесят. Уже какой есть доживу. – ответил Александр Климентьевич обиженно

– Чадо мое. Я служу Господу многие десятилетия, и за то открыл Он мне тайны многих сердец. Непокойно твое сердце, мучает его скорбь и оттого не можешь ты быть добрым христианином. Ведь настоящего христианина, подобно нательному кресту, отличают: радость, смелость и любовь к ближнему. Скажи мне, что угнетает тебя и делает малодушным? Чем помочь тебе?

– Да чем же мне поможешь? Молодость была трудной и бессмысленной. Что принесла она мне? Ни денег серьезных, ни детей, ни дома, ни семьи. Чем я заслужил это? Чем я хуже других? Разве не мог бы, и я жить более ярко и радостно, как другие живут?! – спросил прихожанин

Священник смиренно ответил: «Разве не знаешь ты, чадо, как тяжело, в каких скорбях и теснениях живут многие

люди?! Ты перед ними счастливец! Здоров, образован, при полезной, хорошей работе, уважаем. И жилье у тебя светлое, чистое, удобное и одежда, и повозка, как там она у вас называется, все забываю по старости. Другие люди и в болезнях, и в утратах, и в голоде, по нищете своей, но не пламенеют их сердца такой беспросветной тоской, напротив, часто сияют и радостью.

– А я вот не могу, не могу сиять! Что теперь поделывать?! А всё проклятые ошибки молодости меня не отпускают. От них вся жизнь под откос пошла. – ответил Александр Климентьевич, как дитя растравляя свои обиды

Священник продолжал увещевать все так же мягко, с добротой в голосе: «Не стоит унывать, сын мой. Ты так пламенно и искренне рыдаешь о том, что ушло и не вернется, что твои молитвы сотрясают тверди небесные. А между тем, ты забыл о главном, о жизни в настоящем, о добрых делах и добрых людях, о спасении души, о переходе в жизнь вечную. Одумайся! Нельзя жить прошлым, иначе ты не сможешь воспользоваться тем, что даровано в настоящем!»

– Легко вам говорить. А моя жизнь череда катастроф. И в конце безрадостный серый финал. За что? – ответил неугомонный мужчина

– Ты не знаешь, что ты говоришь, брат мой. Но я вижу твое упорство, которое давно мне известно и потому одному из многих миллионов людей, дарую тебе право исправить свою судьбу, по твоему собственному разумению. Ты хотел

бы исправить жизнь? – строго и твердо глядя в глаза, спросил священник

– Еще бы! – ответил Александр Климентьевич, не задумываясь.

Священник еще раз спросил: «Ты твердо уверен в своем решении?! Ведь события даются нам лучшие из возможных. Не пожалеешь?!»

– Не пожалею. Уверен. – ответил неразумный прихожанин

– Ты хотел бы начать с рождения?

– Ну, зачем же с рождения? Лет с двадцати. – ответил

Александр Климентьевич

– Хорошо. Будь, по-твоему! Ты будешь ангелом-хранителем. Ты будешь сам себе помогать идти по правильному пути. Но смотри, ты берешь судьбу в свои руки. И не смей жаловаться, что твоя жизнь сложилась не так! – громко и торжественно проговорил священник. В церкви включили настолько невыносимы яркий свет, что захотелось зажмуриться.

Когда Александр Климентьевич открыл глаза, то оказался под потолком в полутемном зале дома культуры в котором шла молодежная дискотека. И увидел себя, только молодого, который отплясывал среди других пяти парней брейк под песню Michael Jackson «Bad». Они были в центре внимания всех присутствующих и очень ловко выделяли все танцевальные па. Александр Климентьевич не удержался и тоже под потолком начал выплясывать, правда уже не так умело и

удачно, как он молодой. После аплодисментов собравшихся, зазвучала мелодия Roxette – «It Must Have Been Love». Саша молодой пошел и пригласил на танец девушку Аню. И начала шептать ей на ушко, Александр Климентьевич аж таял от умиления, вспоминая былые счастливые дни: «Как я по тебе соскучился. Все ночи в стройотряде только тебя и видел».

– Ты знаешь, Саша, за это время в моей жизни многое изменилось. Я хотела бы серьезно с тобой поговорить. – прошептала девушка, серьезно и внимательно посмотрев в его глаза.

– Я тоже хотел с тобой поговорить и тоже серьезно! Намекаю: у меня теперь достаточно денег на свадьбу.

– Понимаешь, это теперь невозможно. – опустив глаза, ответила девушка.

– Как это? Мне так не терпится тебя обнять! Может быть, сегодня ко мне с дискотеки пойдем? Я Димона попрошу, чтобы он где-нибудь перекантовался. А завтра он, вообще, к своим уезжает.

Аня явно испытывала неловкость: «Ты же знаешь, меня мама придет встречать. Вон она уже пришла».

– Ладно, сегодня тебя отпущу. А завтра встречаемся на нашем месте. В три. – сказал Саша, медленно разлепляя объятия, хотя музыка уже кончилась.

– В полдень еще лучше! Я еще раньше тебя увижу! Твоя мама отвернулась. – Саша быстро поцеловал Аню. – Как я тебя люблю!

Аня стыдливо опустила глаза и скороговоркой ответила: «Не говори мне этого! Прости! Я такая свинья. Но мама, говорит, что так для меня будет лучше»

– Быть хрюшкой, лучше? – пошутил, ничего плохого не ведающий, Саша.

Аня вдруг стала взрослой и еще более серьезной: «Прости. Все завтра скажу. Не хочу сегодня. Ты такой счастливый. До завтра, в полдень». Аня быстро вырвалась из объятий Саши и убежала. Саша, переполненный чувствами, сел на стул у стены. Александр Климентьевич заходился в танце.

На следующее утро, когда Александр Климентьевич открыл глаза, он оказался в небольшой светлой комнате с желтыми засаленными обоями и черным помятым плакатом группы «Битлз» на одной стене и настенным календарем за 1991 год с фотографией Аллы Пугачевой в красном балахоне на другой. Александр Климентьевич с интересом рассмотрел комнату. Все было знакомым до умиления.

Александр Климентьевич начал даже вещать воображаемому слушателю, как на экскурсии: «О сколько раз в своих ропотливых беспокойных воспоминаниях я возвращался сюда, в эту комнату общежития витебского областного института пищевой промышленности! О да, здесь все так, как я запомнил! Даже форма черного пятна в виде южной Америки, отбитое от бока эмалированного чайника ничуть не изменилось! И почему меня все студенчество так раздражал запах жаренной на сале картошки? Теперь он кажется ми-

лым и по-домашнему уютным!» Он прервал свои излияния неизвестному слушателю, когда увидел себя молодого спящего на железной койке. Александр Климентьевич опустился из-под потолка на кровать, в это время Саша повернулся с бока на спину, зевнул, открыл глаза, увидел сидящего, испугался и закричал. Этот крик сначала вызвал у Александра Климентьевича недоумение. Но потом он сообразил, что теперь является чем-то вроде духа и попытался успокоить себя молодого.

Александр Климентьевич (сказал медленно, спокойно и доходчиво): Это же я, ты – старый.

Но до Саши молодого явно не доходило, он хватал ртом воздух и не мог произнести ни звука. Тогда Александр Климентьевич деликатно взмыл вверх и спрятался за темно-коричневой в мелкий золотой цветочек, пыльной занавеской, давая себе молодому очнуться. Молодой потянулся к эмалированному чайнику и стуча зубами выпил из носика воду. Потом лег и укрылся с головой одеялом. Через некоторое время откинул одеяло и вытер пот со лба, видимо, эта встреча показалась ему сном. Александр Климентьевич мог воспринимать все чувства и мысли себя в юности и одновременно внушать те мысли, которые считал нужными для своего подопечного. Оба Александра взглянули на календарь с Аллой Пугачевой. На нем было обведено 18 сентября, суббота, то есть сегодняшнее число и подписано время 12:00.

Александр Климентьевич вновь обратился к заинтересо-

ванным зрителям: «18 сентября 1991 года! О, что это был за день! О сколько раз я возвращался к нему и сколько раз клял себя за то, что неверно провел его. Этот день мог направить всю мою жизнь совсем в другое, счастливое русло! Приступим исправлять судьбу!»

Он даже руки потер от осознания дел, которые должен был совершить. А своему подопечному внушал список дел: «Обязательно соблазнить сегодня Анечку! Сосед уже уехал!»

В виде привидения он стал еще более занудным, чем в обычной жизни и все действия комментировал для воображаемого зрителя, как капитан межзвездного корабля для потенциальных спасателей: «Лучшего дня, как показала жизнь, не представится! О! Мне уже никогда не придется, долгие бессонные ночи проводить в холодной постели и оправдываться перед знакомыми, что со «здоровьем все в порядке»! Главное – выйти пораньше! Саша, вставай! Беги в душ! Не время лежать!

Саша поднялся с постели, натянул синие треники с пузырями на коленках, повесил на плечо сероватое банное полотенце, взял мыло, сунул ноги в резиновые галоши и отправился в душ. Как только Саша вышел за дверь, Александр Климентьевич вылетел из-за занавески и подлетел к зеркалу обшарпанного, желтого трюмо. Силой воли заставил, чтобы его отражение поблекло и потом совсем исчезло. Александр Климентьевич вылетел сквозь дверь в люди. Студенты, по

случаю выходного дня, в изобилии шатающиеся в коридорах общаги, никак на него не реагировали. Александр Климентьевич полетел в душ и закрыл щеколду, чтобы тощий студент не мог в него зайти. Студент потоптался и пошел на другой этаж. Когда подошел Саша, Александр Климентьевич открыл двери душевой.

Саша вымылся, тщательно расчесал мокрые волосы. Надел белую отутюженную рубашку, серый костюм с отливом.

Александр Климентьевич вновь ностальгически обратился к зрителям, зависая в воздухе возле трюмо: «О, я помню этот костюм. Мне его мама по большому благу достала. А галстук-селедку Димон на днюху подарил. Новинка! Шик, блеск, красота!»

Саша надел начищенные до сияния черные мокасины, осмотрелся в зеркале. Александр Климентьевич уж и забыл, как хорош он был когда-то: серые большие глаза, правильные черты лица, светлые выгоревшие до белизны волосы, гладкая загорелая после трудового отряда кожа, тугие бицепсы, ни капли жира! Александр Климентьевич от восторга даже сверзья из-под потолка и поцеловал себя в макушку! Саша ничего не заметил, лишь с нажимом пригладил поднявшийся волосок. Надо было торопиться.

Сердца обоих Александров забились. Саша достал заранее добытую коробку зефира в шоколаде, пальцем во внутреннем кармане проверил портмоне и вложенные в него деньги. В нижнем кармане пиджака проверил носовой пла-

ток. Все было в порядке. Юный влюбленный сел на краешек кровати и попытался успокоить трепещущее сердце, перекрестился на всякий случай, и пошел на свидание.

Погода обещала счастье. На небе ни облачка. По-летнему теплое солнышко огромными мохнатыми пальцами щекотало носы и щеки. Игривый ветерок забавлялся золотыми листьями.

Тетя Клава, в коричневом плюшевом пиджаке, таком же старом, как сама его владелица, в синеватом вылинявшем платочке и вишневой полушерстяной юбке, преодолевая боль в груди, сгорбившись, мела во дворе первые опавшие листья. Молодому Александру стало её невероятно жаль. И он пошел к ней, чтобы помочь.

Александр Климентьевич удерживал его всеми силами от необдуманного поступка: «Иди на свидание! С тетей Клавой все будет хорошо, а ты опоздаешь!» – Внушал он подопечному.

Саша пошел к выходу со двора общежития. Александр Климентьевич отвлекся на огромного дымчатого кота, который играл с порхающей бабочкой. Саша вернулся и подошел к тете Клаве.

– Тетя Клава, как вы себя чувствуете? Давайте сюда метлу, листьев еще много будет. Пойдемте в теник. Обопритесь на меня. – сказал он участливо.

– Спасибо сынок. Что-то мне сегодня нездоровиться. За грудиной жмет. – ответила старушка

Саша проводил тетю Клаву в холл общаги и подошел к вахтерше: «Вызовите скорую. Тете Клаве плохо.»

Тетя Клава сидя на скамье, начала отказываться: «Да не надо. Чего там?! Я лучше пойду. Мести надо».

Саша не позволил ей подняться: «Сидите, сидите! Я вас охранять буду, пока врачи не приедут».

Часы над входом общежития отмерили полчаса. За это время Александр Климентьевич по воздуху исходил холл вдоль и поперек. Врач пощупал пульс, осмотрел лицо и велел нести носилки из машины.

– Да чего уж там. Сама разве не дойду? – слабо начала было сопротивляться смиренная тетя Клава

– Не надо упорствовать. Паренек и вы вот помогите нам. – Врач обратился к Саше и спустившимся в холл парням. Молодые люди дружно взялись за носилки и споро погрузили в машину скорой помощи. Машина уехала. Саша взглянул на часы, потом на скамейку на которой лежала, кем-то раздавленная, коробка зефира и побежал на свидание.

Александр Климентьевич заставил поторопиться служащего разложить перед рестораном на столике коробки конфет «Ассорти» и отводил взгляды прохожих, чтобы они не создали очередь. Когда Саша подбежал к лотку, то сразу купил коробку конфет и побежал дальше, а Александр Климентьевич летел впереди. К лотку тут же подошли покупатели и создали очередь.

Александр Климентьевич заставил женщину встать на уг-

ду улиц и продать свой букет цветов. Саша приобрел у нее этот букет. Когда он убежал, женщина очнулась и с недоумением рассматривала деньги в своих руках.

На свидание Саша прибежал вовремя, даже на семь минут раньше назначенного.

Аня сидела на скамье у фонтана, о чём-то глубоко задумавшись. Саша подошел к ней и поцеловал в щеку.

– Сладкой девочке сладости.– промолвил он запыхавшись, но очень довольный, что успел.

– Спасибо. Только зря ты это. Мне как-то даже неловко. Присаживайся. – сказала она, с кислым выражением лица. Явно собираясь сказать, что-то непоправимо ужасное.

Сердце Саши заныло от предчувствия беды. Он всё понял, но не хотел, чтобы это всё было сказано. Неожиданно для себя, он запустил пальцы в её льняные волосы, поднятые с помощью лака в сложную модную аэродинамическую причёску, притянул её по-детски веснушчатое, серьезное лицо с огромными каштановыми глазами и поцеловал в губы. Потом подхватил её на руки и отнес к дороге, боясь оставить на минуту, прижимал любимую одной рукой, другой остановил такси. (Александр Климентьевич подогнал).

Когда влюбленные вошли в дверь комнаты, Александр Климентьевич стыдливо вылетел в коридор и присел на подоконник, радостно улыбаясь. Прошел сквозь дверь, в комнату, когда почувствовал, что можно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.